

© К. С. Поздняков¹

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Самара, Россия)*

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ РАННИХ РАССКАЗОВ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА («БУРЫГА», «СЛУЧАЙ С ЯКОВОМ ПИГУНКОМ»)

Слава Леонида Леонова как писателя-соцреалиста, а также определённые мифы, сложившиеся о его персоне в литературных кругах, привели к тому, что ранние тексты писателя рассматриваются исключительно в контексте фольклорной образности или экспериментов двадцатых годов XX века с «чужим словом». Такая ситуация представляется серьёзной проблемой, поскольку первые рассказы Леонова самым очевидным образом повлияли на целый ряд произведений, в основном, относящихся к отечественному модернизму и постмодернизму второй половины XX и начала XXI вв.

Новизна статьи заключается в помещении рассказов Л.Леонова «Бурыга» и «Случай с Яковом Пигунком» в новый контекст. Писатель-модернист Юрий Мамлеев рассматривается как продолжатель традиций прозы Л.Леонова. В его рассказах из «Народно-мифологического цикла» обнаруживается не только схожая картина мира, но и напоминающие леоновских персонажи. Писатель-постмодернист М.Елизаров, заимствуя многое из образной системы Ю.Мамлеева, тоже продолжает традицию, сформированную Л.Леоновым, хотя в куда более упрощённом виде. В статье положено только начало изучению интертекстуальных связей текстов Л.Леонова с отечественной литературой. Но думается, что дальнейшее изучение этих связей способно дать интересные результаты.

Ключевые слова: хронотоп, социалистический реализм, антропоморфное начало, миофологизация, фантастика

Konstantin S. Pozdnyakov

*Samara National Research University named after
Academician S. P. Korolev (Samara, Russia)*

¹ Константин Сергеевич Поздняков – доктор филологических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (Самара, Россия). ORCID: 0000-0002-2646-6410. E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru.

ON SOME PROSPECTS FOR STUDYING THE FANTASTIC IMAGERY OF LEONID LEONOV'S EARLY STORIES («BURYGA», «THE INCIDENT WITH YAKOV PIGUNOK»)

Leonid Leonov's fame as a socialist realist writer, as well as certain myths that have developed about him in literary circles, have led to his early texts being examined exclusively in the context of folkloric imagery or his 1920s experiments with «other people's words». This situation presents a serious problem, as Leonov's early stories clearly influenced a number of works, primarily related to Russian modernism and postmodernism of the second half of the 20th and early 21st centuries.

The novelty of this article lies in its placement of Leonov's stories «Buryga» and «The Incident with Yakov Pigunok» in a new context. Modernist writer Yuri Mamleev is viewed as a continuation of Leonov's prose traditions. His stories from the «Folk-Mythological Cycle» reveal not only a similar worldview but also characters reminiscent of Leonov's. Postmodernist writer M. Elizarov, while borrowing heavily from Mamleev's figurative system, also continues the tradition established by Leonov, albeit in a much more simplified form. This article marks only the beginning of a study of the intertextual connections between Leonov's texts and Russian literature. However, it is believed that further exploration of these connections could yield interesting results.

Keywords: chronotope, socialist realism, anthropomorphic principle, mythologization, weird fiction

Ранние рассказы Леонида Леонова начала двадцатых годов XX века в настоящее время подробно разобраны и вряд ли нуждаются в каком-то дополнительном анализе. Были тщательно рассмотрены их хронотопы в сопоставлении со сказочными, фольклорными источниками, переплетение языческих и христианских образов и мотивов, а также описано место этих рассказов в контексте творчества писателя (в сопоставлении, например, с сюжетной линией отца Матвея в романе «Пирамида») [Вахитова, 2007], [Никонова, 2015], [Туева, 2012]. Целью настоящей статьи является указание на внешние связи этих текстов Леонова с последующими произведениями отечественной литературы. Думается, что влияние ранних рассказов Леонова куда значимее, чем представляется на первый взгляд. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что эти произведения начали определённую литературную традицию. Конечно же, может возникнуть законный вопрос: почему такие сближения и пересечения не были отмечены ранее? Думается, что можно привести следующие причины такого невнимания к очевидным заимствованиям из творчества писателя во второй половине XX – начале XXI вв.

1. Одиозный образ Леонова. В России (автору статьи сложно сказать – есть ли аналогичное положение в других странах) давно сложилась своеобразная традиция – судить о произведениях по морально-этическому облику их авторов. Характерных примеров достаточно много: это и нарочитое забвение как ранних экспериментальных, так и филигранных поздних «мовистских» произведений В. Катаева, и перманентные попытки доказать, что М. Шолохов не является автором романа «Тихий Дон» и т.п. В обоих приведённых случаях критикам, литературоведам и читателям не хочется смириться с тем, что замечательные произведения создавали люди, достаточно далёкие от морально-нравственного идеала. В этом плане точным представляется комментарий к бесконечным расследованиям, посвящённым авторству «Тихого Дона», И. Сухих, который так иронически передаёт сомнения «расследователей»: «Не мог ведь, не мог малограмотный продюряк, любимчик Сталина и других вождей, не диссидент, а ортодокс, призывавший разобраться с собратьями-писателями скорым революционным судом, не сочинивший больше ничего отдаленно приближающегося к этой книге, написать лучший русский роман XX века» [Сухих, 2019, с. 376].

На восприятие образа Л. Леонова повлияло и стихотворение «Мёд», написанное Евгением Евтушенко, в котором рассказывается о писателе, купившем целую бочку мёда, на глазах у голодной толпы, выстроившейся к этой бочке. В финале стихотворения звучали следующие осуждающие строки, включающие вполне узнаваемый портрет героя:

Далёк тот сорок первый год,
год отступлений и невзгод,
но жив он, медолюбец тот,
и сладко до сих пор живёт.
Когда к трибуне он несёт
самоуверенный живот,
когда он смотрит на часы
и гладит сытые усы,
я вспоминаю этот год,
я вспоминаю этот мёд.
Тот мёд тогда как будто сам
по этим – этим – тёк усам.
С них никогда он не сотрёт
прилипший к ним навеки мёд!»
[Евтушенко, <https://www.culture.ru/poems/26379/myod>]

Довольно забавно, что в биографии Л. Леонова З. Прилепин становится в позу адвоката писателя и пытается доказать, что этой истории не было, будто это крайне важно для оценки творчества писателя: «Допустим, Леонов однажды

и купил на базаре мед: зима, заметим, в Чистополе была жутко холодной, с буранами и морозом до пятидесяти градусов. (...) Леонов к тому же только что переболел тяжелым гриппом, а следом заболели и жена, и еще малые дочери. Купил, да. Но уж точно не двадцативедерную бочку: зачем столько меда – это раз; и куда он ее дел, если ее никто у него дома не видел? Это два.

Спустя двадцать лет эта история с покупкой меда неожиданно обросла красочными подробностями, и совесть нации со станции Зима смолчать не смогла, расписав былые дела в десятикратно, вернее, двадцативедерно преувеличенных пропорциях» [Прилепин, <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1126471-zahar-prilepin-podelnik-epohi-leonid-leonov.html#book>].

Нетрудно заметить, что под конец своей защитительной речи Прилепин и вовсе атакует Евтушенко, иронически называя его «совестью нации» и указывая на откровенное преувеличение и раздувание истории из сорок первого года. Таким образом, процессы мифологизации и демифологизации продолжаются: для того, чтобы очистить нравственный облик Леонова от подозрений, его биограф демифологизирует образ Евтушенко, указывая на то, что доверять поэту, написавшему «Мёд», нельзя.

2. Соцреалистический период в творчестве Л. Леонова. Не стоит забывать о том, что именно эпизод из романа «Русский лес», как наиболее репрезентативно представляющий черты соответствующей поэтики, был использован А. Терцем (А. Синявским) в статье «Что такое социалистический реализм». Не секрет, что соцреалистические тексты испортили репутацию многим авторам. Леонов здесь не исключение, а пример, подтверждающий правило. Мало кому придёт в голову искать источники вдохновения отечественных модернистов или постмодернистов в ранних малоизвестных текстах полузабытого писателя-соцреалиста.

Однако в ранних рассказах (в которых, конечно же, нет и намёка на зарождавшийся в двадцатых годах XX века социалистический реализм) Л. Леонова «Бурыга» и «Случай с Яковом Пигунком» своеобразен не только авторский речевой жанр, ярко отличающийся от художественных высказываний других прозаиков складывавшейся тогда молодой советской литературы, своеобразна и фантастика, содержание произведений. В отличие от традиционного изображения нечистой силы как враждебных к человеку существ (это представление из русского фольклора быстро переключалось в русскую литературу XIX века, чему подтверждением служат произведения О. Сомова, А. Бестужева-Марлинского, И. Тургенева и др.) автор описывает чертёнка Бурыгу и банника Долбуна так, что читатель начинает сочувствовать этим существам гораздо больше, чем

персонажам-людям. Подобный подход в классической литературе встречался в рассказе «Игоша» В. Одоевского, который заканчивается проявлением сочувствия к сверхъестественному существу, домовому Игоше: «С сими словами исчез мой Игоша, и мне жаль его стало» [Одоевский, <https://books.yandex.ru/books/RJU160q8>].

Впрочем, уже стихотворение «Бесы» (1830) А. Пушкина задавало подобный вектор отношения к нечистой силе, благодаря завершающим строкам:

Визгом жалобным и воем,
Надрывая сердце мне [Пушкин, 1959, с. 298].

Однако в стихотворении А. Пушкина, как и в новелле В. Одоевского, сочувствие к нечистой силе не смотрится столь необычно, как в рассказах Л. Леонова. Всё же точка зрения реципиента соотносилась с «я» героя-повествователя. В первом случае читатель переживает вместе с путником и его ямщиком приключение в метели, ощущая тревогу и сочувствуя именно людям, а не нечисти. Во втором – симпатии читателя изначально на стороне рассказчика – мальчика, страдающего из-за проказ Игоши. Правда, в какой-то момент становится очевидно, что рассказчик – ненадёжный и возможно, Игоша – плод его фантазии, необходимый для оправдания собственных шалостей. В обоих случаях лешие и домовые не становились центральными персонажами, и уж тем более читатель не мог наблюдать мир с их точки зрения. Несмотря на некоторый сдвиг оптики, антропоцентричность этих текстов налицо.

В рассказах Л. Леонова «Бурыга» и «Случай с Яковом Пигунком» невозможно не сочувствовать именно сверхъестественным существам. Так, например, с третьей главки «Бурыги» читатель попадает в мир «детёныша», бесёнка Бурыги, наблюдая его злоключения, причиной которых выступают именно люди: лесорубы, Кутафья, Бутерброт, испанская купчиха и испанский же граф. За редким исключением в лице клоуна Осипа Иваныча и графской кухарки, люди в рассказе «Бурыга» одержимы исключительно меркантильными интересами, а в отношении «ненашика» Бурыги проявляют редкую жестокость, выступая настоящими садистами.

Банничек Долбун из рассказа «Случай с Яковом Пигунком» поначалу выглядит как типичный представитель нечистой силы, от которого пытается избавиться Яков. Но после столкновений очередного «ненашика» с генералом Васютиным и дяконом Логиным читателю становится жаль несчастного представителя нечистой силы, который перед исчезновением говорит Пигунку: «Не жилец я тут... Как пни вы» [Леонов, 1981b, с. 131].

В обоих рассказах фантастические существа не причиняют людям вреда, скорее, пытаясь добиться их расположения, но жестокость человека приводит Бурьгу к болезни, а Долбун и вовсе отказывается жить в людском мире, не зря сравнивая род людской с бесчувственными пнями.

Вышеназванные ранние рассказы Леонова, очевидно, повлияли на произведения Юрия Мамлеева и современного писателя Михаила Елизарова. Впрочем, думается, что влияние на автора «Библиотекаря» леоновских текстов произошло опосредованно – через произведения Мамлеева. Такой вывод напрашивается из следующего признания М. Елизарова: «По секрету, я и Леонова не читал, фамилию, разумеется, слышал. И вроде Захар Прилепин пишет о Леонове книгу в серии ЖЗЛ» [Бойко, <https://mikhail-boyko.narod.ru/interview/elizarov2.html>]. Стоит отметить, что современный читатель вряд ли помнит забытые ранние рассказы «соцреалиста» Леонова, поэтому и параллели между творчеством автора «Бурьги» и произведениями Мамлеева и Елизарова представляются любопытным и новым предметом литературоведческого исследования.

Например, лес и у Леонова, и у Мамлеева всегда живой и таит в себе весьма специфическую атмосферу, будто ускользающую от конкретных значений, этот пространственный образ постоянно описывается с помощью метафор: «Зато весной, бывало, на бору-то не наглядеться! Развертывает по снегу алые ленты весна. Радуетса дерево солнцу, земля проталинкам, душа весне...» (Л. Леонов. Бурьга) [Леонов, 1981а, с. 39]; «Сестрицы Еремушки на хоровод бегали – далеко-далеко в поле, где цветы сами на грудь просятся и пахучие травы вверх глядят» (Ю. Мамлеев. Ерема-дурак и смерть) [Мамлеев, 2002, с. 25].

Лесной мир у обоих писателей населён «ненашиками и окаяшками» – то бишь, той самой нечистой силой, героями быличек и бывальщин. Некоторые, из уже упомянутых персонажей рассказов Леонова занимают некую промежуточную позицию между людьми и «ненашиками». К этому типу героев, несомненно, можно отнести уже упомянутого клоуна Осипа Иваныча, которому Бурьга говорит: «уж больно ты на нашего брата, лесного, похож» [Леонов, 1981, с. 46], а также Якова Пигунка, обладающего сверхъестественными качествами, например, в жилах персонажа вместо крови течёт дёготь. На описанных персонажах рассказов Леонова очень похож Ерёма из уже упомянутого произведения Ю. Мамлеева «Ерёма и смерть». Ерёма настолько становится «ненашиком», что его отвергает даже бес: «полукозел, полукошка завизжал: «Ты чего насмехаешься!...» – и в глаза ему глянул. Глянул – и отнесло его. «Уходи, – издалека кричит Ереме, – не наш ты, не наш!» [Мамлеев, 2002, с. 28]. Таким образом, лес в произведениях

Л. Леонова и Ю. Мамлеева становится чем-то большим, чем граница между мирами, описанная В.Я.Проппом. И Пигунок, и Ерёма, связанные с лесом, превращаются в персонажей абсолютно непонятных и для мира живых, и для мира мёртвых, лес наделяет их некой загадочной сущностью, с которой ничего не могут поделать ни Бог, ни чёрт, ни нечистая сила из языческого пантеона.

Примечательно в этом плане, что в рассказе Леонова Якова Пигунка не может принять Бог: «боялся Господь вынуть из него душу, потому что вся она пропиталась дегтем насквозь. Куда такую пустишь?!» [Леонов, 1981b, с. 115]. Данный тип персонажа условно можно считать промежуточным: они будто завили между божественным и бесовским, чистым и нечистым, оказавшись «ненашиками» для всех сторон.

У обоих авторов чувствуется влияние прозы Н. Гоголя: скакуха ездит на Якове, напоминая сцену из «Вия», а Долбун, наоборот, обещает Пигунка научить летать на помеле, навевая ассоциации с полётами в «Ночи перед Рождеством», Ерёма играет в карты с мертвецами, обыгрывая их, как дед в «Пропавшей грамоте». Думается, что оба литератора увидели в героях Гоголя способность ускользать из простейших локусов, организованных по принципу «свой–чужой», а ведь и Пигунок, и Ерёма тоже не относятся ни к одной раз и навсегда определённой стороне.

В романе М. Елизарова «Pasternak» старообрядцы вполне сопоставимы с лесорубами из «Бурыги», прогнавшими из леса всю безобидную нечисть: «Злыдни в лесу вместе с попами появились. Где ни поселятся, лес умирает. И леший уйдёт из него, и русалки переведутся. Будто выгоревшие, чёрные деревья стоят, а среди них скиты. А те, кого попы нечистью называют, не нечисть вовсе, а добрые помощники, волшебные предки наши. Оклеветали их. И русалок, и леших, и бабу Ягу» [Елизаров, <https://books.yandex.ru/books/W1w1dGsY>].

Впрочем, ещё очевиднее семантическое сходство со сценой из «Случая с Яковом Пигунком», где дьякон-алкоголик Логин собирается эксплуатировать Долбуна, загнав его в бутылку как джинна. В обоих случаях от священнослужителей страдает нечистая сила, которая и у Леонова, и у Елизарова ждёт одного – гуманного отношения.

Думается, что Леонид Леонов, как и Ю. Мамлеев, не стремился показать специфику национального колорита, объединяя язычество и христианство. Скорее, его проза с самого начала носила античеловеческий характер, демонстрируя, что мир природный с его нечистью лишь терпит до поры до времени

зло от человека. Даже самый растворившийся в лесу человек – Яков Пигунок, поселившийся в бороде паука Иван Иваныча и пропитавшийся дёгтем, не может преодолеть своих границ: паука он раздавил, а Долбуна не приютил. За проекциями язычества и христианства на лесной мир «ненашиков» не стоит ничего: лишь пустота. Автор каждый раз показывает, что для человека нет ничего святого – все эти верования оказываются буквально знаками, покрывающими пустоту, скрывающими её в отсутствие гармонии. В этом плане весьма показательна сцена, когда Логин требует от Долбуна поцеловать церковный подсвечник, считая, что это своеобразный тест на то – чёрт ли «ненашик». Долбун, естественно, легко справляется с заданием, разочаровывая дьякона. Логин давно осквернил всё священное вокруг себя, поэтому подсвечник и превратился в обычный предмет, не несущий никаких сакральных значений. Показательно, что лирический герой рассказа «Случай с Яковом Пигунком» разрешает ангелу забрать душу, оставив ему «пинжак». Но при этом персонаж находится в природном мире, и потеря души растворит его в нём, он перестанет быть человеком, душа ему больше не понадобится. Душа в картине мира Леонова – лишь тяжкое человеческое бремя.

Уже упомянутый Ерёма Ю. Мамлеева перестаёт быть человеком даже для смерти и чертей, дурак (по версии автора) – это неведомое, неидентифицируемое существо, а Настенька из рассказа «Сон в лесу» не может вернуться в нормальное человеческое состояние, потому что постоянно проваливается из одного сна в другой, причём сны эти продуцируются лесом. В этом плане дежурная фраза «спрячешься, Бог знает куда» обретает прямо противоположный смысл: Бог НЕ знает, куда спряталась Настя, или где потерялся Николай из рассказа «Голубой» (в этом произведении звучит фраза, абсолютно соответствующая художественному миру ранних рассказов Леонова, «свет не без добрых леших!»).

Михаил Елизаров в романе «Pasternak» куда прямолинейнее своих предшественников: черпая атмосферу из мамлеевских текстов, писатель не может обойтись без антропоморфного начала, делая деда Мокара носителем языческой мудрости, противопоставленной как старообрядческому началу, так и либеральной интеллигенции. Заигрывая с образной системой Леонова и Мамлеева, современный писатель никак не может отказаться от классических антитез, значительно упрощая картину мира и не избегая антропоцентризма, деконструкцией которого успешно занимались как Леонов, так и Мамлеев.

Впрочем, самое обескураживающее сопоставление, которое просится на ум в случае с ранними рассказами Леонова – это сказка «Домовёнок Кузька» Татьяны Александровой. Сопоставим, например, два фрагмента.

«Вышла она к реке, глядит и видит – сидит в сугробе этакой *мохнатенький*, замерзает, видимо. Из-под рубашонки копытца торчат, а нос предлинный, нечеловечий нос, – ручонками он его трет.

Жалостлива кухарка была, руками всплеснула, головой замотала:

– Экой ты! Ведь замерзнешь!..

А тот поглядел на нее исподлобья да *басом* на нее:

– Ну-к што ж... обойдется!» (Л. Леонов. Бурыга) [Леонов, 1981а, с. 46].

«Девочка взяла веник да так и села на пол — до того испугалась. Под веником кто-то был! Небольшой, *лохматый*, в красной рубахе, блестит глазами и молчит.

– Будьте здоровы! — вежливо сказала девочка.

– Ага, – *басом* ответили из-под веника. – Ладно. А-апчи!» (Т. Александрова. Домовёнок Кузька) [Александрова, <https://books.yandex.ru/books/ol9bV07b>].

Да и фабулы текстов схожи: изгнанная из прежних мест обитания лесная нечисть вынуждена обустривать новую жизнь среди людей. Другое дело, что Кузе, в отличие от несчастного Бурыги, повезло с представителями рода человеческого, да и вряд ли могло быть иначе в советской детской сказке.

Думается, что Л. Леонов положил начало определённой традиции изображения нечистой силы в русской литературе. Кто-то из его последователей продолжил развивать сложную картину мира его ранних рассказов, кто-то предпочёл остановиться на сочувственном изображении лесной нечисти, кто-то превратил его сюжет в детскую сказку, но ясно одно: подлинный вклад Леонида Леонова в историю русской литературы ещё только предстоит осмыслить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александрова, Т.** Домовёнок Кузька / Т. Александрова // Яндекс Книги. – URL: <https://books.yandex.ru/books/ol9bV07b> (11.07.2026).
2. **Бойко, М.** Интервью с Михаилом Елизаровым / М. Бойко // Официальный сайт Михаила Бойко. – URL: <https://mikhail-boyko.narod.ru/interview/elizarov2.html> (6.07.2026).
3. **Вахитова, Т. М.** Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: (Структура. Поэтика. Эволюция) / Т. М. Вахитова. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 317 с.

4. **Евтушенко, Е. А.** Мёд / Е. А. Евтушенко // Культура РФ. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26379/myod> (01.07.2026).
5. **Елизаров, М.** Pasternak / М. Елизаров // Яндекс Книги. – URL: <https://books.yandex.ru/books/W1w1dGsY> (6.05.2026).
6. **Леонов, Л.** Бурьга / Л. Леонов // Собрание сочинений: в 10 томах. Том 1 / Л. Леонов. – Москва: Художественная литература, 1981а. – С. 35–53.
7. **Леонов, Л.** Случай с Яковом Пигунком / Л. Леонов // Собрание сочинений в десяти томах. Том 1 / Л. Леонов. – Москва: Художественная литература, 1981б. – С. 115–132.
8. **Мамлеев, Ю.** Ерема и смерть / Ю. Мамлеев // Ю. Мамлеев. Основные тайны. – Москва: Вагриус, 2002. – С. 24–32.
9. **Никонова, Т. А.** Быт как оценка героя в русской советской прозе 1920-х годов / Т. А. Никонова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 3 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byt-kak-otsenka-geroya-v-russkoy-sovetskoj-proze-1920-h-godov/viewer> (03.07.2026).
10. **Одоевский, В. Ф.** Игоша / В. Ф. Одоевский. Яндекс Книги. – URL: <https://books.yandex.ru/books/RJU16oq8> (28.06.2026).
11. **Прилепин, З.** Подельник эпохи: Леонид Леонов / З. Прилепин. – Москва: Астрель, 2012. LIBKING. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-nonf-biography/1126471-zahar-prilepin-podelnik-epohi-leonid-leonov.html#book> (11.07.2026).
12. **Пушкин, А. С.** Бесы / А. С. Пушкин // Собрание сочинений: в 10 томах. Том 2 / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959. – С. 297–298.
13. **Сухих, И. Н.** Русский канон: Книги XX века / И. П. Сухих. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 768 с.
14. **Туева, А. О.** Сказочный хронотоп как средство осмысления действительности в рассказах Л. Леонова 1920-х годов / А. О. Туева // Система ценностей современного общества: Сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – С. 32–38.

REFERENCES

1. **Aleksandrova, T.** Domovënok Kuz'ka / Т. Aleksandrova // Yandeks Книги. – URL: <https://books.yandex.ru/books/ol9bV07b> (11.07.2026).
2. **Boyko, M.** Interv'yu s Mikhailom Yelizarovym / М. Boyko // Ofitsial'nyy sayt Mikhaila Boyko. – URL: <https://mikhail-boyko.narod.ru/interview/elizarov2.html> (6.07.2026).
3. **Leonov, L.** Buryga / L. Leonov // Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh. Tom 1 / L. Leonov. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1981a. – S. 35–53.

4. **Leonov, L.** Sluchay s Yakovom Pigunkom / L. Leonov // Sobraniye sochineniy v desyati tomakh. Tom 1 / L. Leonov. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1981b. – S. 115–132.

5. **Mamleyev, Yu.** Yerema i smert' / Yu. Mamleyev // Yu. Mamleyev. Osnovnyye tayny. – Moskva: Vagrius, 2002. – S. 24–32.

6. **Nikonova, T. A.** Byt kak otsenka geroya v russkoy sovetskoy proze 1920-kh godov / T. A. Nikonova // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 3 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byt-kak-otsenka-geroya-v-russkoy-sovetskoy-proze-1920-h-godov/viewer> (03.07.2026).

7. **Odoyevskiy, V. F.** Igosha / V. F. Odoyevskiy // Yandeks Knigi. – URL: <https://books.yandex.ru/books/RJU16oq8> (28.06.2026).

8. **Prilepin, Z.** Podel'nik epokhi: Leonid Leonov / Z. Prilepin. – Moskva: Astrel', 2012. LIBKING. – URL: <https://libking.ru/books/nonf/nonf-biography/1126471-zahar-prilepin-podelnik-epohi-leonid-leonov.html#book> (11.07.2026).

9. **Pushkin, A. S.** Besy / A. S. Pushkin // Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh. Tom 2 / A. S. Pushkin. – Moskva: GIKHL, 1959. – S. 297–298.

10. **Sukhikh, I. N.** Russkiy kanon: Knigi XX veka / I. P. Sukhikh. – Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. – 768 s.

11. **Tuyeva, A. O.** Skazochnyy khronotop kak sredstvo osmysleniya deystvitel'nosti v rasskazakh L. Leonova 1920-kh godov / A. O. Tuyeva // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva: Sbornik materialov XXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2012. – S. 32–38.

12. **Vakhitova, T. M.** Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova: (Struktura. Poetika. Evolyutsiya) / T. M. Vakhitova. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. – 317 s.

13. **Yevtushenko, E. A.** Mëd / E. A. Yevtushenko // Kul'tura RF. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26379/myod> (01.07.2026).

14. **Yelizarov, M.** Pasternak // Yandeks Knigi. – URL: <https://books.yandex.ru/books/W1w1dGsY> (6.05.2026).

Статья поступила в редакцию 07.08.2026 г.